

AD MEMORIAM

**ПРОФЕССОР
ПЕТР ОСИПОВИЧ КАРЫШКОВСКИЙ
(12. 03. 1921 — 06. 03. 1988)**

О феноменальной одаренности этого человека уже много написано в некрологах, сказано на научных чтениях в его память, прошедших в 1990, 1991, 1996 и в 1998 годах, доклады на которых в тезисах публиковались в серии сборников «Древнее Причерноморье» за указанные годы.

Уже более 12 лет его нет с нами, и все более трудно примириться с этим, и все кажется, что он еще среди нас...

Эпоха, да и повседневное окружение, в котором ему довелось жить и работать в зрелые годы, не позволили ему реализовать полностью свои способности. Из опубликованных около 170 работ — монографий, статей, публикаций, рецензий, популярных очерков по проблемам древней истории, нумизматики, эпиграфики античного Причерноморья — только одна работа была помещена в иностранном издании. И это при том, что П.О. Карышковский был членом корреспондентом Германского Археологического института, членом Нью-Йоркского археологического общества, и для него не существовало проблем для написания статьи на немецком или английском языках. Ни на одном собрании коллег-специалистов, проходившем, как теперь говорят, в дальнем зарубежье, ему не позволялось побывать, и не потому, что его не приглашали. Он был «невъездной» и не мог принять приглашение. Ему не было позволено познакомиться с зарубежными коллекциями древностей, которые он изучал, посетить музеи Европы и США. Вина его была в том, что (и тут я повторяю фразу из очерка И.А. Болдырева «Учитель», посвященного Петру Осиповичу) «он жил нелегкой жизнью... что значило существовать человеку... оставшемуся в оккупации, учившемуся в университете «при румынах», не сражавшемуся на фронте, не знавшему ни комсомола, ни партии...».

Эта сторона его положения не могла оставлять его безупречно сдержанным, и нервы иногда не справлялись с напряжением...

Внешне, если не знать его глубже, казалось, он полностью реализовал свои возможности: окончив исторический факультет Одесского университета, он становится ассистентом кафедры истории древнего мира, защищает кандидат-

скую, а позднее и докторскую диссертации. Вскоре он профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков, которую занимал до самой кончины. Все это, при выдающихся его способностях, достигнуто титаническим трудом, увлеченностью наукой, которая, к слову, не пользовалась почетом у руководящих партийно-административных кругов, считавших ее «неактуальной». Эта наука о Древнем мире требовала изначального классического образования: знания древнегреческого и латинского языков, а также современных иностранных, что для получивших начальные знания в массовой советской школе и у преподавателей гуманитарных факультетов вузов нового времени — редко встречалось.

Учителями П.О.Карышковского в университете, а затем и старшими коллегами были известные ученые: проф. Б.В.Варнеке, знаток классических языков, истории театра; М.Ф.Болтенко, известный археолог, комментатор сочинений древних авторов; А.Г.Готалов-Готлиб, руководитель его аспирантской подготовки по истории Древнего Рима, Византии и южных славян. «Так, благодаря воспитанию и не в меньшей степени самообразованию, П.О.Карышковский достиг в себе гармонии лучших начал античной, русской и западной культур» — писал о нем Ю.Г.Виноградов — московский его коллега по специальности и друг.

П.О.Карышковскому предстояло быть свидетелем надругательства над своими учителями: Б.В.Варнеке, после освобождения Одессы в 1944 г., в возрасте 70 лет был арестован по обвинению в «измене Родине», умер в тюрьме и позднее реабилитирован посмертно; М.Ф.Болтенко еще до войны был арестован по обвинению в «шпионаже», осужден и отправлен в Сибирь на лесоповал, а вернувшись, будучи преподавателем университета, был «избавлен» на политкампаниях, следовавших одна за другой, то как украинский националист, то как «безродный космополит».

Эти уродства жизни того времени не могли не ложиться тяжким бременем на ум и сердце, не травмировать поэтическую натуру, которая дана была природой Петру Осиповичу.

Это были последние годы, когда тон на фа-

культете еще задавало старшее поколение профессоров-ученых, среди которых К.П.Добролюбский — декан факультета, Н.Н.Розенталь, А.Г.Готалов-Готлиб, М.Ф.Болтенко.

Уже тогда, в конце 40-х и начале 50-х годов, П.О.Карышковский выглядел достойным продолжателем традиций высокообразованной старой профессуры, но такого плана смену составляли одиночки.

В конце 40-х гг. началась усиленная политизация гуманитарных факультетов, кампании по борьбе с различного рода «врагами», в которую втягивали и студенчество. Старшее поколение профессуры начали теснить, подвергая грубой критике. Делали это люди, как требовалось, рабоче-крестьянского происхождения, воспитанники партии и комсомола, пришедшие из армии политработники, для которых читающие иностранную литературу люди другого происхождения не могли пользоваться полным доверием.

Мне посчастливилось многие годы сотрудничать и общаться в домашней неофициальной обстановке с Петром Осиповичем, будучи заведующим античным отделом Одесского археологического музея, секретарем редколлегий, изданий музея и Одесского археологического общества (их редактором он был), а впоследствии работать и готовить к изданию монографию о Тире, раскопки которой довелось мне вести. Петр Осипович теснейшим образом был связан с Археологическим музеем — хранилищем памятников, которые он изучал, постоянным членом ученого совета, многие годы возглавлявшим правление Археологического общества, одним из организаторов которого он был. Замечу, что монографии о Тире и нумизматике Ольвии были изданы не университетом, где он всю жизнь работал, а Одесским археологическим музеем. Это штрих к тому, о чем говорилось выше. В других условиях ученый калибра П.О.Карышковского оставил бы многотомное сочинение.

Однако не только за письменным столом проявлялись его удивительные способности: он был лектором, обладателем редкой памяти, «блистательного красноречия; он умел буквально завораживать аудиторию, превращая свою лекцию в исполненное тонкого артистизма действо» — писал Ю.Г.Виноградов. Помнится, еще в конце 40-х годов на лекции молодого преподавателя по истории Греции и Рима, кроме нашего курса из более чем 80 студентов, приходили по собственному желанию (а это было редким явлением) студенты филологического и других факультетов. Долго не забывались и позднее его яркие выступления на научных конференциях местных, республиканских и союзных, на собраниях Одесского археологического общества, а также оппонентом или рецензентом при защите диссертаций. Без его знаний трудно было обходиться, и он привлекает-

ся для работы постоянным членом специализированного Ученого совета по защите диссертаций Института археологии АН УССР.

Поддержание огня в очаге знаний, науки и культуры было природной и, может быть, полностью не осознанной миссией Петра Осиповича. «Это Прометеево пламя, — писал Юрий Германович Виноградов в своем «Слове об ученом, человеке, друге», — воспринятое из рук учителей, Карышковский заботливо хранил, не давая загаснуть на ледяных ветрах начала 50-х годов, ни в оттепель конца 50-х, ни в застойном мареве второй половины 60-х, 70-х и первой половины 80-х годов». Эта миссия дорого обходилась, заставляя сблизиться с малокультурными и тем более малоинтеллигентными руководителями Обществ знаний и охраны памятников, новыми преподавателями, деканами факультетов, да и не лучшими были вышестоящие...

Отдохновением были поездки в археологические экспедиции, где встречи с коллегами и друзьями проходили в романтической от соприкосновения с древностью обстановке, часто за стаканом терпкого бессарабского вина, где работа и общение было лишено малейшей официозности. Петр Осипович посещал раскопки Ольвии, работал на острове Березани, где на раскопках древнейшего на Северном Причерноморье античного поселения собиралась элита археологов-античников. Бывал он и на раскопках Тире и останавливался не в городской гостинице, а в башне Пушкина Аккерманской крепости... Эти посещения уводили в другой мир, который хотелось постичь, и выводили за пределы тесного коридора повседневной жизни.

В очерченном образе Петра Осиповича Карышковского не является неожиданностью еще одна грань его личности — дар поэтического творчества. Он любил и почитал поэзию. Бывало, находясь в гостях по поводу какого-либо события или даты, уединившись от шумных разговоров на бытовые темы, слушал записи на старых пластинках стихотворений поэтов от Пушкина до Мандельштама или, находясь в хорошем расположении духа, читал нам наизусть стихи не очень хрестоматийных, малоизвестных поэтов.

Уже после смерти в многотиражке одесского университета, а затем в сборнике стихов и песен поэтов-археологов «Пыль золотая», автором и составителем которого являлся Сергей Буйских, были опубликованы несколько березанских сонетов Петра Осиповича. В предисловии С.Буйских к этим стихам он был назван «миссионером духовности»:

Здесь может каждый встретиться с природой,
Услышать, как песком шуршит прибой,
Увидеть в небе звезды над собой,
Касаться тайны и дышать свободой...

Человек общительный, Петр Осипович с удовольствием участвовал в праздничных встречах с нечужим для себя коллективом Археологического музея. Чего греха таить, он любил застолья, и я думаю — эта форма общения отвлекала его, вводила в другой мир... Забыть во хмелю — тоже своего рода способ изоляции, ухода людей такого склада от окружающих реалий. О его современнике, музыканте и поэте автор очерка о нем заметил: «Наверное, есть социальные обстоятельства, в которых только алкоголь или иные пути психологической самоизоляции позволяют сохранить талантливому человеку свое естество». Потому-то вхождение в круг уединившихся на острове Березань позволило «дышать свободой».

В судьбе П.О.Карышковского, подлинного ин-

теллигента, человека талантливого как в образе яркой личности в полной мере отразилась трагичность положения в послереволюционное время не только гуманитариев, но трагичность самой эпохи, в которой прошла его жизнь.

* * *

Вот-вот подходило время, когда станет свободно дышать, думать, говорить, жить, в конце концов, рядом не просто женщина, а жена-товарищ. Наконец получено почти человеческое жилье, где была комната-кабинет с полками расставленных нужных и любимых книг. Шла работа над второй частью труда по ольвийской нумизматике. И когда тело оставалось еще стройным и красивым — главные жизненные центры не вынесли нагрузки...

Ничего бесследно не проходит.

И.Б.Клейман